

История России: с древнейших времен до 1917 года

УДК 94 (47) «08/16»

DOI: 10.25688/2076-9105.2020.37.1.01

А. Е. Виноградов

Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы

Различные версии этнической принадлежности культуры псковских длинных курганов имеют существенные недостатки, главным из которых является несоответствие археологических концепций письменным источникам. Предлагается объединить решение данной проблемы с другой, имеющей, наоборот, более письменное, чем археологическое, описание, — варяжской. Создателями указанной культуры, возможно, были именно летописные варяги, представления об этнической природе которых, в свою очередь, нуждаются в серьезной корректировке.

Ключевые слова: культура длинных курганов; варяги; Балтика; славяне; гунны; «Повесть временных лет».

Открытие раннесредневековых захоронений курганного типа в Восточной Прибалтике и Псковско-Новгородских землях положило начало дискуссии об их этнической принадлежности. И. А. Брандт посчитал могильные памятники удлинённой формы славянскими [3: с. 224, 226]. А. А. Спицын приписал их в итоге «скорее всего, литовской народности» [37: с. 307].

По мере расширения ареала и видов памятников, сформировалось представление о псковских, смоленско-полоцких курганах и еще ряде их локальных вариантов, объединяемых в общую культуру длинных курганов (КДК), считающуюся «одним из самых заметных явлений на археологической карте Восточной Европы» [16: с. 261].

По мнению В. В. Седова, формирование КДК следует связывать с первой волной славянской миграции из Средней или Центральной Европы, датированной V веком [36: с. 120]. Лунничные височные украшения, детали поясных наборов, ножи — все эти находки на «курганном» севере вписываются в контекст «центрально-европейских древностей» [28: с. 206], связаны с переселениями более-менее значительных групп из Среднего Подунавья [35: с. 236–237].

По Г. С. Лебедеву, носители КДК на территории Северо-Западной Руси использовали те же типы и формы вооружения, украшений, что и их современники в «варварском мире» германских племен пограничья Римской империи [21: с. 444]. В регионе КДК распространены такие дунайские предметы, как формы для отливок украшений и сами отливки [46].

Однако после того как ранние памятники КДК были обнаружены даже в Вологодской области, ассоциация их со славянами оказалась затрудненной, это стало «исторически невероятно» [15: с. 265]. Славяне массово расселились не только там, но даже в Верхнем Поднепровье значительно позже носителей КДК [44: с. 190–191; 8: с. 19].

Постепенно славянская теория стала претерпевать изменения, допуская на разных этапах генезиса КДК более широкий спектр этносов: германцев [35: с. 210], славян, балтов и германцев [41: с. 123–124; 53: р. 248], финского субстрата [36: с. 119].

Согласно Е. Р. Михайловой, ядро КДК формируется, начиная с середины V века в Мазурах, Пруссии, Самбии, ряде районов Литвы и связано «с появившимися здесь группами хорошо вооруженных и организованных людей» [28: с. 205] и влиянием культуры западнобалтских курганов.

В конце VI–VII веков в этом регионе своего зарождения сооружение курганных могильников прекращается [30: с. 174], но переживает «демографический подъем» и расцвет КДК на полоцко-псковской территории [15: с. 266]. Вероятно, это свидетельство быстрой миграции на северо-восток, маркерами которой могут служить следы разрушений на балтских городищах V века [28: с. 206], а также найденные там стрелы «гуннского» типа [11: с. 100], видимо, дунайского происхождения.

Альтернативой миграционной были и есть «туземные» версии, например финская [1: с. 99–102; 60: р. 270–277], балтийская с финскими локальными вариантами [45]. Однако и они не могут объяснить отличий КДК от классических финских и балтских культур, ее оригинальных черт на всей указанной территории, отчего все чаще допускают смешение в рамках КДК элементов разного происхождения [21: с. 444; 16: с. 266–267; 8: с. 24].

По мнению Б. Г. Лыча, эта мультикультурность предопределялась в том числе сугубо воинским характером первых мигрантов. Различия предметов женской субкультуры в западном и восточном ареале КДК и, напротив, единство набора предметов мужского обихода объясняются тем, что относительно однородная масса пришлых воинов брала жен из покоренного местного населения, различного на западе и востоке [25: с. 76].

Как бы то ни было, при всех своих этнических и гендерных нюансах КДК демонстрирует «фактическое единство», черты внутреннего «культурного сходства на обширной территории от Поднепровья до Мологи» [15: с. 265]. Такие черты трудно представить без наличия «системообразующего» этноса, который не мог не оставить свое имя в истории.

По мнению Лебедева, самоназванием носителей КДК «мог быть восстанавливаемый по топонимическим данным этноним типа “выра”» [21: с. 444]. Однако названия «выра» или «выру» по своей природе (эст. võru — «запруда» или «каменистое место» [56]) определенно носят локальный характер, но географическому размаху КДК никак не соответствуют.

В то же время на обширной территории Новгородских земель присутствует другой куст гидро- и топонимов: *Варяжа*, *Верегово*, *Вареги* и т. д., — который также связывается с названием народа, только известного по летописям как варяги [4: с. 343–347].

На наш взгляд, указанную область названий можно расширить: *Верегонец* недалеко от Белозерска (Белоозера), летописная вотчина Синеуса; *Варыгино* в Псковской области; *Верегово* близ Ярославля и др. Мало того, с тем же корнем можно сопоставить выявленные Р. Экблумом более десятка названий с корнем vareg, varež, v(w)areng, встречающиеся от Повисленья до Литвы [50: s. 185–199]. Территория гипотетически оставившего эти названия этноса оказывается непомерно большой, если видеть в нем шведов. Однако вполне сопоставимой с районами, которые лежали на пути от Дуная до места зарождения КДК, и ареалом ее позднейшего распространения.

Нельзя не заметить, что летописная территория варягов, в общем соответствует ареалу КДК. Согласно этнографическому введению «Повести временных лет» (ПВЛ), «Пруси и Чюдь приседают к морю Варяжскому; по сему же морю селят Варязи... к востоку до предела Симова» [43: с. 4].

При двойственности географическо-этнонимических представлений русских летописей, связанной с разными толкованиями сюжета о разделе мира между сыновьями Ноя и дополнениями к нему «молодых» народов, «предел Симов» мог смещаться с юго-востока к границам Волжской Булгарии [18: с. 56–57; 19: с. 205]. Булгары, как и другие тюрки в русских толкованиях Библии, потомки либо Авраама от Агари, либо его племянника Лота [9: с. 70, 72], в любом случае ветвь Симовых потомков, которая не могла не отразиться в «генеалогической» географии ПВЛ.

По данным арабских и персидских авторов, часть варягов (Варанг, Варанк, Вараиг) обитала на востоке от Варяжского моря, как и булгары, и народы Прикамья [51: s. 181, 187–188, 194]. И владими́ро-суздальские князья называли волжских болгар «соседи наши» [38: с. 249]. Можно предположить, что составитель этнографического введения отражал ситуацию, когда соседями болгар выступали предшествовавшие суздальцам варяги, еще при Рюрике укрепившиеся, согласно ПВЛ, на востоке Руси вплоть до Мурома.

Нельзя не отметить, что и памятники КДК на русском Северо-Востоке, по меркам Восточной Европы, совсем не далеки от «соседей наших»: в частности, еще Спицыным, а затем Седовым отмечались объекты указанной культуры и в Ярославском Поволжье [34: приложения, табл. 4, 11].

Множество существующих версий о происхождении варягов, которых еще М. П. Погодин перечислял не меньше девяти [32: с. 4], не соответствует археологическим данным о КДК. Так, локация древнейшего Изборска – Труворова городища вдали от водных путей (что характерно для КДК, но странно с точки зрения «норманнской колонизации»), преобладание в нем керамических комплексов КДК и вместе с тем отсутствие в нем заметных следов норманнского пребывания, заставили археологов констатировать, что раскопки «не дали прямого подтверждения сюжету о Труворе» [24: с. 133, 136].

Другое дело поселения, известные из источников как варяжские. Так, местечко Выбуты под Псковом, где, согласно Житию св. княгини Ольги, родилась она от предков «рода варяжска... от простых бяше человек» [12: с. 84], любопытно тем, что рядом с ним в соответствии с картой Седова отмечается скопление памятников КДК [34: приложения, табл. 3].

Следы происхождения не только Ольги, но и новгородцев «от рода варяжска» [43: с. 20] остались в позднейшем населении, но норманны и славяне здесь ни при чем. Население русского Северо-Запада имеет высокую степень генетического сходства с жителями Северо-Восточной Польши (Сувалки), в свою очередь, отличающимися от литовцев и поляков [26]. Показательно, что этот регион примерно соответствует уже отмеченному Михайловой месту зарождения будущей КДК.

Нельзя не обратить внимание на еще один момент. Русские завоевания в Прибалтике в XI–XII веках во многом совпадают с местным ареалом исчезнувшей здесь чуть раньше КДК. Так, длинные курганы были распространены в Юго-Восточной Эстонии [2: с. 85]. Такое впечатление, что потомки варяжских князей отвоевывали земли, которые считали своими.

Противоречие предположения о варяжском генезисе КДК летописному рассказу о приходе варягов «из заморья», к тому же лишь в IX веке, кажущееся. «Заморье» находилось в раннем Средневековье под воздействием того же этнокультурного импульса из Подунавья, что и русский Северо-Запад. Источники говорят о присутствии на Балтике роксоланских (Roxolanorum) и савроматских (Sauromatum) групп [55: s. 175], короли которых носили тюркские имена (Czienbech) [59: s. 67–68], или о явных «турках» (Turci) [47: p. 163, 167], о «собравшихся из различных племен» видивариях [10: с. 67]. О «хуннских» (Hunorum) царях и воинах [57: p. 188, 231–232; 17: с. 69] или, по крайней мере, степных обычаях [27: с. 26], о том, что мигрировали на север амаксовиты: аланы и «много римского народу» [23: с. 48–50].

В литовских легендах в те же времена римский «князь» Палемон с массой людей переселился «морем» в Жмойдскую землю (Жемайтию) [31: с. 207]. Упомянутое С. Грунау имя короля жителей Мазурского поозерья, союзных роксоланам, — Anthones [59: s. 67–68] — также свидетельствует о распространившемся на север римском влиянии, как и этноним, переведенный Т. Арне как «валахи» с надписи на древней могильной плите на Готланде [48: p. 19].

В этом контексте вряд ли случайно основанное в Пруссии еще видивариями [20: с. 197] святилище Romowe (Romow), получившее свое название от Рима [54: s. 102].

Многочисленные указания источников подтверждаются археологическими данными. Так, В. Шименас указывает на переселение на правобережье Нижнего Немана и дальше, вплоть до Готланда, многочисленных полиэтничных групп из Дунайского региона [58: р. 105]. Аналогичную картину рисует А. Блиуене, по мнению которой неманское «мультиэтническое сообщество» имело связи с номадическими культурами Среднего Дуная, а также Эландом и Готландом [49: р. 233].

По мнению В. И. Кулакова, причиной, запустившей процессы этой миграции, стали гуннские войны, заставившие отступить из Подунавья на север отряды былых соратников Атиллы [20: с. 95–115].

И во второй половине VI века продолжалась миграция на север, например, германцев и аваров [35: с. 171–172]. В Пруссии множество археологических свидетельств «степного» влияния, в частности аварской традиции костюма рубежа VII–VIII веков [20: с. 133]. Те же традиции вплоть до XI века сохранялись на островах Западной и Центральной Балтики, что доказывает «многонациональный состав островитян» [20: с. 131, 137, 183]. Погребальные традиции части Готланда носили нескандинавский характер [52: р. 44].

Подобные факты дали повод рассматривать территорию от устья Вислы до Самбии и островов Балтики как зону миграции из бывших дунайских римских провинций, отождествляемую с видивариями Иордана [20: с. 109].

Интересно, что русские источники там же помещают часть варягов: они «сидят» чуть ли не посередине Балтики (тогда как другие народы только «приседают» к ее берегам) [43: с. 4]. Римско-дунайская тема также не чужда летописцам, согласно которым новгородские посланники отправились в «Прусскую землю» к князю Рюрику, который «от рода... кесаря Римского» [33: с. 268].

Рассказ о расселении варягов относится к самым ранним летописям: введение, куда он вошел, появилось уже в своде 1072 года [7: с. 92], который использовал еще источники, скорее всего синхронные финалу существования КДК (т. е. первая половина XI века [29: с. 29], локально — конец XI века [14]). Поэтому древнейший хронист мог описывать ее носителей, как современников.

Известие о прекращении выплаты в середине XI века новгородской дани варягам, скорее всего «местным» («невероятно», чтобы дань уплачивалась «за море» [42: с. 305]), может служить свидетельством ассимиляции варягов, к этому времени носителей КДК.

Противоречия этой версии летописному рассказу могут быть поняты с учетом не только выявленных Шахматовым следов вставок в летопись и того, что он называл «тенденциозным изложением» [42: с. 295, 293], но и того, что этническая история варягов с их ассимиляцией быстро забылась. Есть предположения, что летописец вписал в указанный раздел «словен», на самом деле

не зная настоящего «древнего названия новгородских славян» [40: с. 220], появление словен в списке призывавших Рюрика «ошибочно» [8: с. 24], их удаление в некоторых редакциях «естественно» [42: с. 299].

На наш взгляд, логичнее следующее рассуждение: если и приглашали варяжских князей из-за моря, то не уже изгнавшие их племена, а такие же варяги, только «местные», в рамках междоусобной борьбы внутри одной этнической элиты. Один из редакторов ПВЛ назвал приглашавших словенами, что соответствовало изменившейся к тому времени этнической картине Восточной Европы.

Именно этническая или как минимум культурная близость между приглашавшим князей этносом русского Северо-Запада и приглашаемыми, на наш взгляд, и могла способствовать появлению грандиозного торгового предприятия, описываемого археологами как Балтийско-Донской, Волжско-Балтийский путь.

Возникнуть в рамках других этнических сообществ этому предприятию было затруднительно. Например, норманны не оставили в Восточной Европе ярких следов своего пребывания в IX – начале X века [13: с. 242–243; 6: с. 240]. Зато маршрут Волжско-Балтийского пути в его различных вариантах пролегал в значительной мере через территорию КДК [22: с. 4; 36: с. 141]. А ее носители активно встроились в трансевропейскую торговлю: в противоположность первым памятникам КДК, расположенным вдали от речных торговых путей, ее памятники позднего периода привязаны к берегам Волги [34: с. 14].

Взаимной «комплиментарности» участников торгового пути могли способствовать общие традиции. Так, «суровый мужской быт» курганных культур Восточной Европы восходит к «среде германских варваров на римской службе» [28: с. 203–204]. Сюда же, вероятно, следует добавить наличие *lingua franca*. Еще разноплеменные дружинники Атилы на Дунае употребляли в том числе «авсонийский» диалект латыни [39: с. 486]. Не видим ничего невозможного в том, что язык взаимного общения сохранялся на новых местах обитания бывших дружинников и их потомков. Отмечается важность личных отношений для торговли того времени [52: с. 48]; очевидно, что без языка наладить такие отношения сложно.

В этой связи выдвигалось предположение, что и этноним «варяги» имеет латинское происхождение с семантикой, отражавшей разноплеменный характер ядра нового объединения [5: с. 244].

В рамках статьи трудно рассмотреть все вопросы, связанные с варяжской проблемой, но возможно обрисовать общую схему предлагаемой гипотезы. Мультиэтническая масса переселенцев, которая создала КДК, была только частью миграционной волны из Подунавья, которая достигла также южных берегов и островов Балтики. Все расселившиеся на огромной территории потомки дунайских мигрантов в русской летописной традиции объединялись в один народ — варяги.

Литература

1. *Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии. Таллин: Валгус, 1980. 136 с.
2. *Аун М.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин: ОЛИОН, 1992. 198 с.
3. [*Брандт И. А.*] О древних могилах в Витебской и Псковской губерниях // Журнал Министерства внутренних дел. 1851. Ч. 33. С. 212–226.
4. *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
5. *Виноградов А. Е.* В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М.: Ломоносовъ, 2018. 256 с.
6. *Воронятов С. В.* «Черта оседлости» русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 221–245.
7. *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 57–96.
8. *Загорюльский Э. М.* Место носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе // Российские и славянские исследования: научный сборник / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Вып. 9. Минск: БГУ, 2014. С. 15–27.
9. *Измайлов И. Л.* «Безбожные агаряне». Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны: материалы к конф. XI Чтения памяти чл.-кор. АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 14–16 апр. 1999 г.) / [редкол.: д. и. н. Е. А. Мельникова (отв. ред.) и др.]. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1999. С. 69–75.
10. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997. 946 с. (Византийская библиотека).
11. *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17–127.
12. *Карпов А. Ю.* Житие княгини Ольги в редакции псковского книжника Василия (в иночестве Валаама) // Очерки феодальной России. Вып. 7. М.: УРСС, 2003. С. 66–88.
13. *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. Л.: Наука, 1970. С. 226–252.
14. *Конецкий В. Я.* Об исторических судьбах населения культуры длинных курганов в Приильменье // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы семинара. Псков: Псковский музей-заповедник, 1987. С. 53–54.
15. *Конецкий В. Я.* Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе: итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности / отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 256–267.
16. *Конецкий В. Я., Самойлов К. Г.* Хозяйство носителей культуры длинных курганов: проблема структурности // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2000. С. 261–275.

17. *Кузнецов Е. В.* Этногенез восточных славян. Исторические очерки (VI–IX вв.). Арзамас: АГПИ, 2001. 191 с.
18. *Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54–83.
19. *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. М.: Вече 2003. 432 с.
20. *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003. 264 с.
21. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
22. *Леонтьев А. Е.* Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 183: Средневековая археология Восточной Европы / Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1986. С. 3–9.
23. *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: При Имп. акад. наук, 1766. 140 с.
24. *Лопатин Н. В.* Изборск // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера, 2012. С. 123–137.
25. *Лыч Б. Г.* О территориальных различиях погребального инвентаря культуры длинных курганов // Вестник молодых ученых. Исторические науки. 2000. № 5. С. 72–76.
26. *Малярчук Б.* Следы балтийских славян в генофонде русского населения Восточной Европы // The Russian Journal of Genetic Genealogy (русская версия). 2009. Т. 1. № 1. С. 23–27.
27. *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. 268 с.
28. *Михайлова Е. Р.* Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи // Истоки славянства и Руси: сб. статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-история, 2012. С. 201–210.
29. *Михайлова Е. Р.* Культура псковских длинных курганов: современное состояние исследований и роль В. В. Седова в ее изучении // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 240 / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 20–34.
30. *Михайлова Е. Р.* Балтский след в культуре псковских длинных курганов // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Минск: БГУ, 2018. С. 173–186.
31. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 320 с.
32. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории / Императорское Моск. о-во истории и древностей российских. Т. 2: Происхождение варягов-руси. О славянах. М.: Университетская тип., 1846. 426 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подгот. к изд. Я. И. Березниковым и А. Ф. Бычковым; под ред. А. С. Норова. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856. 345 с.
34. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 67 с.
35. *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М.: Науч.-произв. благотворит. о-во «Фонд археологии», 1995. 416 с.
36. *Седов В. В.* Древнерусская народность: Ист.-археол. исслед. / Ин-т археологии Рос. акад. наук. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 316 с. (Studia historica).

37. *Спицын А. А.* Мои научные работы // Избранные труды по истории Вятки. Киров: О-Краткое, 2011. С. 300–366.
38. *Татищев В. И.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 3. М.: Императорский Моск. ун-т, 1774. 536 с.
39. *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания Приска Панийского / изд. подгот. А. И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2005. 608 с. (Византийская историческая библиотека).
40. *Хабургаев Г. А.* Этнонимия Повести временных лет в связи с задачами реконструкции восточнославянского плоттогенеза. М.: МГУ, 1979. 232 с.
41. *Шадыро В. И.* Локальные изменения в материальной культуре населения Белорусского подвинья в эпоху Великого переселения народов // Древняя история Восточной Европы: сборник, посвященный 90-летию Э. М. Загорюльского. Минск: БГУ, 2009. С. 112–125.
42. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: М. А. Александров, 1908. XX, 686 с.
43. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Пг.: Археографическая комиссия, 1916. VIII, LXXX, 403 с.
44. *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: Б. и., 2003. 296 с.
45. *Шмидт Е. А.* Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII–IX вв. н. э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 22. Минск: ИИ НАН, 2006. С. 113–120.
46. *Щеглова О. А.* Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 39–65.
47. *Adam Bremensis.* Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae: I. Bibliopolii Hahniae, 1876. XX, 191 p.
48. *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala: Appelberg, 1914. 245 p.
49. *Bliujiene A.* Northern Gold. Amber in Lithuania. Leiden-Boston: Brill, 2011. 423 p.
50. *Ekblom R.* Die Waräger im Weichselgebiet // Archiv für Slavische Philologie. XXXIX. Berlin: 1925. S. 185–212.
51. *Frähn C. M.* Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über Russen Älterer Zeit. St. Petersburg: B. der Akademie, 1823. LXXXI, 284 s.
52. *Gunnarsson D.* Eastern Baltic types discovered on Gotland: Iron Age networks and identity. Gotland University, 2013. 96 p.
53. *Kazanski M.* The Armement, Horsmen's Accoutrements, and Riding Gear of Long Barrow Culture // Archaeologia Baltica. Klaipėda, 2007. № 8. P. 238–252.
54. *Peter de Dusburg.* Chronica terre Prussie. Darmstadt: W. Buchges, 1984. 588 s.
55. *Ravennas Anonymi Cosmographia et Gvidonis geographica.* Berolini: M. Pinder & G. Parthey, 1860. 677 p.
56. *Saar E.* Vöru nime häritolust // Keel ja Kirjandus. 2009. № 7. S. 535–540.
57. *Saxonis Grammatici.* Historia Danica / rec. P. E. Müller. Vol. I. Havniae: Gyldendal, 1839. XX, 687 p.
58. *Šimėnas V.* Vidgirių kapyninas // Archaeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1988 ir 1989 metais. Vilnius, 1990. P. 99–105.

59. *Simon Grunau*. Preussische Chronik. B. I. Leipzig: V. Dunker&Humblot, 1875. 272+VIII s.

60. *Tvauri A.* Migrants or Natives? The research history of long barrows in Russia and Estonia in the 5–10 cent. // *Slavica Helsingensia* 32. Helsinki, 2007. P. 247–285.

Literatura

1. *Aun M.* Kurganny'e mogil'niki Vostochnoj E'stonii. Tallin: Valgus, 1980. 136 s.

2. *Aun M.* Arxeologicheskie pamyatniki vtoroj poloviny' I ty's. n. e'. v Yugo-Vostochnoj E'stonii. Tallin: OLION, 1992. 198 s.

3. [*Brandt I. A.*] O drevnix mogilax v Vitebskoj i Pskovskoj guberniyax // *Zhurnal Ministerstva vnutrennix del*. 1851. Ch. 33. S. 212–226.

4. *Vasil'ev V. L.* Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli. M.: Rukopisny'e pamyatniki Drevnej Rusi, 2012. 816 s.

5. *Vinogradov A. E.* V poiskax nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom e'tnogeneze. M.: Lomonosov`, 2018. 256 s.

6. *Voronyatov S. V.* «Cherta osedlosti» rusov konceza VIII – pervoj poloviny' IX v. // *Istoki slavyanstva i Rusi: sbornik statej po materialam X chtenij pamyati Anny' Machinskoj*. SPb.: Nestor-istoriya, 2012. S. 221–245.

7. *Gippius A. A.* Dva nachala Nachal'noj letopisi: k istorii kompozicii Povesti vremenny'x let // *Verenicza liter. K 60-letiyu V. M. Zhivova*. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2006. S. 57–96.

8. *Zagorul'skij E'. M.* Mesto nositelej kul'tury' dlinny'x kurganov v slavyanskom e'tnogeneze // *Rossijskie i slavyanskije issledovaniya: nauchny'j sbornik / redkol.: A. P. Sal'kov, O. A. Yanovskij (otv. redaktory') [i dr.]*. Vy'p. 9. Minsk: BGU, 2014. S. 15–27.

9. *Izmajlov I. L.* «Bezbozhny'e agaryane». Volzhskaya Bulgariya i bulgary' glazami russkix (X–XIII vv.) // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Kontakty', zony' kontaktov i kontaktny'e zony': materialy' k konf. XI Chteniya pamyati chl.-kor. AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto (Moskva, 14–16 apr. 1999 g.) / [redkol.: d. i. n. E. A. Mel'nikova (otv. red.) i dr.]*. M.: In-t vseobshh. istorii RAN, 1999. S. 69–75.

10. *Jordan*. O proisxozhdenii i deyanijax getov / per. E. Ch. Skrzhinskaya. SPb.: Aletejya, 1997. 946 s. (*Vizantijskaya biblioteka*).

11. *Kazanskij M. M.* Skandinavskaya mexovaya trgovlya i «Vostochny'j put'» v e'poxu pereseleniya // *Stratum plus*. 2010. № 4. S. 17–127.

12. *Karpov A. Yu.* Zhitie knyagini Ol'gi v redakcii pskovskogo knizhnika Vasiliya (v inochestve Valaama) // *Ocherki feodal'noj Rossii*. Vy'p. 7. M.: URSS, 2003. S. 66–88.

13. *Klejn L. S., Lebedev G. S., Nazarenko V. A.* Normannskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom e'tape arxeologicheskogo izucheniya // *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii*. L.: Nauka, 1970. S. 226–252.

14. *Koneczkij V. Ya.* Ob istoricheskix sud'bx naseleniya kul'tury' dlinny'x kurganov v Priil'men'e // *Arxeologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: materialy' seminar*. Pskov: Pskovskij muzej-zapovednik, 1987. S. 53–54.

15. *Koneczkij V. Ya.* E'tnokul'turny'e processy' vtoroj poloviny' I ty's. n. e'. na Severo-Zapade: itogi i perspektivy' izucheniya // *U istokov russkoj gosudarstvennosti / otv. red. E. N. Nosov, A. E. Musin*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2007. S. 256–267.

16. *Koneczkij V. Ya., Samojlov K. G.* Хоzyajstvo nositelej kul'tury` dlinny`x kurganov: problema strukturnosti // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istorija i arxeologija. Velikij Novgorod: Novgorodskij muzej-zapovednik, 2000. S. 261–275.
17. *Kuznezov E. V.* E`tnogenez vostochny`x slavyan. Istoricheskie ocherki (VI–IX vv.). Arzamas: AGPI, 2001. 191 s.
18. *Kuz`min A. G.* Ob e`tnicheskoj prirode varyagov (k postanovke problemy`) // Voprosy` istorii. 1974. № 11. S. 54–83.
19. *Kuz`min A. G.* Nachalo Rusi. M.: Veche 2003. 432 s.
20. *Kulakov V. I.* Istorija Prussii do 1283 g. M.: Indrik, 2003. 264 s.
21. *Lebedev G. S.* E`poxa vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi. SPb.: Evraziya, 2005. 640 s.
22. *Leont`ev A. E.* Volzhsko-Baltijskij torgovy`j put` v IX v. // Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii. Vy`p. 183: Srednevekovaya arxeologija Vostochnoj Evropy` / In-t arxeologii AN SSSR. M.: Nauka, 1986. S. 3–9.
23. *Lomonosov M. V.* Drevnyaya rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny` velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda. SPb.: Pri Imp. akad. nauk, 1766. 140 c.
24. *Lopatin N. V.* Izborsk // Rus` v IX–X vekax. Arxeologicheskaya panorama / otv. red. N. A. Makarov. M.; Vologda: Drevnosti severa, 2012. S. 123–137.
25. *Ly`ch B. G.* O territorial`ny`x razlichiyax pogrebal`nogo inventarya kul'tury` dlinny`x kurganov // Vestnik molody`x ucheny`x. Istoricheskie nauki. 2000. № 5. S. 72–76.
26. *Malyarchuk B.* Sledy` baltijskix slavyan v genofonde russkogo naseleniya Vostochnoj Evropy` // The Russian Journal of Genetic Genealogy (russkaya versiya). 2009. T. 1. № 1. S. 23–27.
27. *Matuzova V. I.* Anglijskie srednevekovy`e istochniki IX–XIII vv. M.: Nauka, 1979. 268 s.
28. *Mixajlova E. R.* Formirovanie kul'tury` dlinny`x kurganov: process na fone e`poxi // Istoki slavyanstva i Rusi: sb. statej po materialam X chtenij pamyati Anny` Machinskoj. SPb.: Nestor-istoriya, 2012. S. 201–210.
29. *Mixajlova E. R.* Kul`tura pskovskix dlinny`x kurganov: sovremennoe sostoyanie issledovanij i rol` V. V. Sedova v ee izuchenii // Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii / In-t arxeologii RAN. Vy`p. 240. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul'tury`, 2015. S. 20–34.
30. *Mixajlova E. R.* Baltskij sled v kul'ture pskovskix dlinny`x kurganov // E`tnokul`turny`e processy` na territorii Belarusi v I – nachale II ty`syacheletiya nashej e`ry`. Minsk: BGU, 2018. S. 173–186.
31. *My`l`nikov A. S.* Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy`. SPb.: Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1996. 320 s.
32. *Pogodin M. P.* Izsledovaniya, zamechaniya i lekci M. Pogodina o russkoj istorii / Imperatorskoe Mosk. o-vo istorii i drevnostej rossijskix. T. 2: Proisxozhdenie varyagov-rusi. O slavyanax. M.: Universitetskaya tip., 1846. 426 s.
33. Polnoe sobranie russkix letopisej. T. 7. Letopis` po Voskresenskomu spisku / podgot. k izd. Ya. I. Berednikovym i A. F. By`chkovym; pod red. A. S. Norova. SPb.: Tip. E`duarda Pracza, 1856. 345 s.
34. *Sedov V. V.* Dlinny`e kurgany` krivichej. M.: Nauka, 1974. 67 s.
35. *Sedov V. V.* Slavyane v rannem srednevekov`e. M.: Nauch.-proizv. blagotvorit. o-vo «Fond arxeologii», 1995. 416 s.

36. *Sedov V. V.* Drevnerusskaya narodnost': Ist.-arxeol. issled. / In-t arxeologii Ros. akad. nauk. M.: Yaz. rus. kul'tury', 1999. 316 s. (Studia historica).
37. *Spicy'n A. A.* Moi nauchny'e raboty // Izbranny'e trudy' po istorii Vyatki. Kirov: O-Kratkoe, 2011. S. 300–366.
38. *Tatishhev V. I.* Istoriya Rossijskaya s samy'x drevnejshix vremen. Kn. 3. M.: Imperatorskij Mosk. un-t, 1774. 536 s.
39. *Feofan Vizantiecz.* Letopis' vizantijcza Feofana ot Diokletiana do czarej Mixaila i sy'na ego Feofilakta. Prisk Panijskij. Skazaniya Priska Panijskogo / izd. podgot. A. I. Cepkovy'm. Ryazan': Aleksandriya, 2005. 608 s. (Vizantijskaya istoricheskaya biblioteka).
40. *Xaburgaev G. A.* E'tnonimiya Povesti vremenny'x let v svyazi s zadachami rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo glottogeneza. M.: MGU, 1979. 232 s.
41. *Shady'ro V. I.* Lokal'ny'e izmeneniya v material'noj kul'ture naseleniya Belorusskogo podvin'ya v e'poxu Velikogo pereseleniya narodov // Drevnyaya istoriya Vostochnoj Evropy': sbornik, posvyashhenny'j 90-letiyu E'. M. Zagorul'skogo. Minsk: BGU, 2009. S. 112–125.
42. *Shaxmatov A. A.* Razy'skaniya o drevnejshix russkix letopisny'x svodax. SPb.: M. A. Aleksandrov, 1908. XX, 686 s.
43. *Shaxmatov A. A.* Povest' vremenny'x let. Pg.: Arxeograficheskaya komissiya, 1916. VIII, LXXX, 403 c.
44. *Shmidt E. A.* Verxnee Podneprov'e i Podvin'e v III–VII vv. n. e'. Tushemlinskaya kul'tura. Smolensk: B. i., 2003. 296 c.
45. *Shmidt E. A.* Osobennosti e'tnokul'turnogo razvitiya plemen Smolenskogo Podneprov'ya i smezhny'x territorij v VIII–IX vv. n. e'. // Gistary'chna-arxealagichny' zbornik. № 22. Minsk: II NAN, 2006. S. 113–120.
46. *Shheglava O. A.* Volny' rasprostraneniya veshhej iz Podunav'ya na severo-vostok v VI–VIII vv. kak otrazhenie migracij ili kul'turny'x vliyanij // Trudy' Gos. E'rmitazha. T. 49. SPb.: Izd-vo Gos. E'rmitazha, 2009. S. 39–65.
47. *Adam Bremensis.* Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae: I. Bibliopolii Hahniae, 1876. XX, 191 p.
48. *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala: Appelberg, 1914. 245 p.
49. *Bliujiene A.* Northern Gold. Amber in Lithuania. Leiden-Boston: Brill, 2011. 423 p.
50. *Ekblom R.* Die Waräger im Weichselgebiet // Archiv für Slavische Philologie. XXXIX. Berlin: 1925. S. 185–212.
51. *Frähn C. M.* Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über Russen Älterer Zeit. St. Petersburg: B. der Akademie, 1823. LXXXI, 284 s.
52. *Gunnarsson D.* Eastern Baltic types discovered on Gotland: Iron Age networks and identity. Gotland University, 2013. 96 p.
53. *Kazanski M.* The Armement, Horsmen's Accoutrements, and Riding Gear of Long Barrow Culture // Archaeologia Baltica. Klaipėda, 2007. № 8. P. 238–252.
54. *Peter de Dusburg.* Chronica terre Prussie. Darmstadt: W. Buchges, 1984. 588 s.
55. *Ravennas Anonymi Cosmographia et Gvidonis geographica.* Berolini: M. Pinder & G. Parthey, 1860. 677 p.
56. *Saar E.* Võru nime häritolust // Keel ja Kirjandus. 2009. № 7. S. 535–540.
57. *Saxonis Grammatici.* Historia Danica / rec. P. E. Müller. Vol. I. Havniae: Gyldendal, 1839. XX, 687 p.

58. *Šimėnas V.* Vidgirių kapyninas // Archaeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1988 ir 1989 metais. Vilnius, 1990. P. 99–105.

59. *Simon Grunau.* Preussische Chronik. B. I. Leipzig: V. Dunker&Humblot, 1875. 272+VIII s.

60. *Tvauri A.* Migrants or Natives? The research history of long barrows in Russia and Estonia in the 5–10 cent. // Slavica Helsingensia 32. Helsinki, 2007. R. 247–285.

A. E. Vinogradov

Culture of Long Barrows in the Light of the Varangian Problem

Different versions of the ethnicity of the culture of the Pskov long barrows have significant drawbacks, the main one of which is the inconsistency of archaeological concepts with written sources. It is proposed to combine the solution of this problem with another, having, on the contrary, a more written, than archaeological description — Varangian. The creators of this culture may have been precisely the chronicles of the Varangians, whose ideas about the ethnic nature of which, in turn, need serious adjustment.

Keywords: culture of long barrows; Varangians; Baltic; Slavs; Huns; «Tale of bygone years».